

“Я живу с постоянным ощущением, что над всеми нами общий разум...”

Будущее зависит не только от правителей

Моск. новости. — 1998. —
26 апр. — 3 мая (н 16). — С. 10

Дом архитектора давно подступался к нобелевскому лауреату. Еще с 1988 года, когда провел вечер в честь его 70-летия — к неудовольствию властей, но к явному удовольствию виновника торжества, в Вермонте к которому попал любительский видеофильм об этом событии. Ностальгические воспоминания тому причиной или неутомимые усилия сотрудников Дома архитекторов (они были единственными, кто за четыре года пребывания Солженицына в Москве предоставил ему достойную аудиторию), но занавес в переполненном Большом зале ЦДА по-театральному раздвинулся,

на сцену быстрым шагом вышел писатель и встал за конторку. Несмотря на перенесенный в прошлом году инфаркт, Солженицын был в отличной форме:

прямая осанка, живой взгляд, реакция мгновенная и точная.

Вечер протекал традиционно — вступления автора и ворох записок с вопросами.

Да и ответы писателя были традиционными, если под традицией понимать темпераментный отклик на вечные проблемы, которые всегда оборачиваются любой дня.

Итак, «Московские новости», приглашенные на эту встречу (продолжавшуюся два с половиной часа, а то насыщенности — и того больше), представляют посильное изложение сказанного Александром Солженицыным.

С куден наш язык на обращение. Когда началась перестройка, сразу вошли в моду «господа», я слушал издали, читал и думал: «н-е-ет», эпоха канула и не вернется. И когда я ехал на Дальний Восток, то представлял себе, что сказать вот этим ободранным, обманутым, измученным людям «господа» будет просто изведательством. Господами мы уже не станем.

Было когда-то хорошее, теплое русское слово «товарищ». И даже вначале, когда его вводила интеллигенция, сочувствующая революции, оно сохраняло тепло. Но уже у революционеров затрапалось, соединилось с бомбами, а потом его так оказались при большевиках, что и вымолвить «товарищ» невозможно. Хорошее слово, но ему нужно, может быть, несколько десятков лет полежать, тогда оно вернется.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ВНЕ РОДИНЫ

— Двадцать лет — это очень много. Это огромно. Конечно, бывали периоды и побольше. Например, Плеханов в 1880 году, когда начались аресты, уехал из Петербурга на несколько недель, ну, переждать. И 37 лет его не было. Он, революцию, собственно, начинавший (красный флаг при нем впервые появился), приезжал в 1917-м на революцию свершившуюся. И исполком Петросовета, где не то чтобы его ученики, а пятистепенные последыши, голосует: не надо нам Плеханова, обойдемся без него.

Двадцать лет — это очень много. Но у меня сошлось так: с одной стороны, я работал над «Красным колесом», мне нужно было долгое уединение. С другой стороны, если бы не «Красное колесо», мне было бы невыносимо столько лет прожить вне родины, я не знаю, куда бы я девался. Но все соединилось одно с другим, и я счастливым образом кончил главную книгу своей жизни. Я ушел в 17-й год, жил в нем. Абсолютно от всех приглашений отказывался, кроме одного — Гарвардского университета. Поэтому я словно стороной слышал, что происходило реально вокруг, в Америке. А происходило вот что: подобно тому, как меня прорабатывал советский жернов, начал это делать жернов западный. Я с самого начала не фотографил американской печати, мне приклеили ярлык, что я враг демократии, соответственно реакционер и мистик, откуда это взяли — не знаю. Точно так же сделали меня теократом. Ну нигде, сколько я ни писал про жизнь, строчки нет, чтобы я предлагал власть священников. Я слыл и монархистом, тогда как старая эмиграция обижалась, что я не восхвалил Николая II и недостаточно почтителен к монархии. Что я монархист, доказалось даже до Горбачева. Он сказал, что два раза прочел мое «Обустройство» (в чем я сомневалась) и вычитал, что я монархист. А если реакционер, мистик, теократ, монархист, то ясно, что и антисемит.

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕРОК. НО ЧТО-ТО НЕ ТАК

— А тем временем наступил 1987 год. Вот подул теплый ветерок. Что-то сдвинулось, и, стало быть, надо восхлипнуть, обрадоваться. Но пошло — сразу видно — совсем не так. Мне мало верят, когда я рассказываю, что в 1946 году в переполненных тюремных камерах уже было ясно: советский режим обречен. Вопрос в другом. Мудрые люди, которых я слушал, развязив рот, говорили — как выходить из этого монстра? Взошли в него с болью, а выходить будет еще больнее. Ни в коем случае не надо спешить ломать эту страшную машину. Медленно оживлять снизу. А как началась наша перестройка? Принялись сразу разбивать этот аппарат: он никуда не годится, мы, реформаторы,

сделаем иначе. На пути к светлому будущему мы позволяем себе каждый раз ошибаться. Вот 91-й год, всеобщее ликование, бутылку Дзержинского сняли краном и потащили прочь, вершинный миг земной жизни. Однако опять не то. Когда можно было и коммунистическую партию запретить, и самоуправление народу дать, и о границах подумать, за которые мы швырнули, как собак, 25 миллионов соотечественников. Я написал Ельцину письмо. Через три или четыре недели получаю благодарственный, спокойный ответ: Россия великая, Россия не пропадет, все будет хорошо.

Но названное реформой было губительно с самого начала. Вот прошло семь лет, и никак к лучшему не идет. Наше правительство в главных чертах ничем не отличается от прежнего, коммунистического. Его решения так же скрыты, никто с нами не делится, не объясняет. Наплевать на вас! Недавно слышал уличный опрос: что вы думаете об отставке правительства? Сенсационный ответ: они о нас не думают, а мы о них не думаем.

СВОБОДА СЛОВА

— Десятилетиями нас держали под колпаком, и мы разбрелись мыслями, чувствами на 77 дорог. Наше единство тогдашнее, подгнтое, было кажущимся: раз общий враг даден, тут мы все едини. И когда получили свободу слова, она обернулась раздражением, непониманием, ненавистью друг к другу. Но внутренняя сила не потеряна, она раздроблена и еще не кристаллизовалась.

КТО ВИНОВАТ

— Меня спрашивают, чем объяснить, что страну, стремившуюся к преображению, постигло разрушение во всех сферах жизни? Тем, отвечаю, что при переходе к новому времени снова, как в 17-м году, отдались наивной вере в счастливую свободу. Тогда страна распадалась по частям, грабежи, убийства. А в газетах — ликование! Наступила свобода! За восемь месяцев все развалилось, потом пришли большевики, за горло взяли — и все в порядке. А тут развал длится несколько лет. Нравственный потенциал и культура общества оказались недостаточными, чтобы вовремя оценить обстановку и поставить правильный диагноз. Но в экономике подавляющая часть народа и общества не виновата никого. Это власть, закрутившаяся с 91-го года, открыла, распахнула ворота всему блатному миру. Все динамичные грянохваты, какие только есть, бросились хватать общее добро — кто бесплатно, кто за фальшивую цену. Но народ здесь ни при чем.

Неверно его винить и во всех преступлениях прошлого. Виновны были все, кто закрыл глаза, не вмешался, не помогал страждущим. Это, конечно, нравственная вина, но с преступлениями палачей ее не сравнить. И поэтому сегодня народ виновен лишь в том, что оказался нравственно и культурно не готов к новому виду испытаний, поддался басне, сказочке розовой вместо того, чтобы отнести к ней с сомнением, серьезностью и пытливостью.

Многие сейчас хвалят прошлое, при комму-

Вечер с Александром Солженицыным

годов. Глеб Успенский написал: крестьянин не выдержал удара рублем. А мы не выдержали удара долларом. Вот так тряхнули в 1861 году, и пошло в народе падение религии до самой революции. А не было бы падения, и революции бы не было. Я всегда говорил: если бы хранили веру, как старообрядцы, революции бы не случилось. А сейчас — чтобы Россия стала христианской, сделайте свою семью христианской и хватит с вами.

ОПАСНОСТЬ ТОТАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

— Если речь идет о том, что власть пытается установить культуру по своему заказу, так она слаба, у нее все из рук валится, ничего ей не удается. Если же о том, что коммунисты хотят свое вернуть, так тоже не вернут. Они вообще в растерянности и в 1996 году больше всего боялись победить.

ДВОРЯНСТВО. МОНАРХИЯ. ЛЕНИН

— В Дворянском собрании я не бываю, хотя существование этого движения допускаю. В прошлом дворянство многое несло в Россию, но много и попользовалось за счет народа. Правильно Ключевский говорил: крестьян освободили на другой день после дворян, но через сто лет.

Что до монархии, можно хоть сейчас ее объявить, пожалуйста, наш президент со своими полномочиями — уже монарх. Но настоящей, не показанной монархии в XX веке не существует нигде — по состоянию человеческого разума и сердца. Истинная монархия стоит на том, что монарх искренне верит, что он помазанник Божий и каждое свое решение должно соотноситься с этой высшей волей.

По поводу захоронения царской семьи... Не знаю, насколько верны анализы. Если верны, конечно, надо захоронить того, кого расстреляли 80 лет назад. Пора бы.

А вот Ленина убрать будет лучше. Но этот позор нам еще долго предстоит терпеть, даже на Красную площадьходить не хочется. Когда-то было издано русское истолкование пророчества средневекового прорицателя Нострадамуса. Не знаю, как он считал, но я прочел у него, что освобождение России начнется в 90-м году. Скажите пожалуйста! А первый раз не будут праздновать годовщину коммунистической революции в 2025-м. Тогда я подумал: какая глупость, если начнется освобождение, неужели мы еще 35 лет будем на большевистскую идею искать?

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

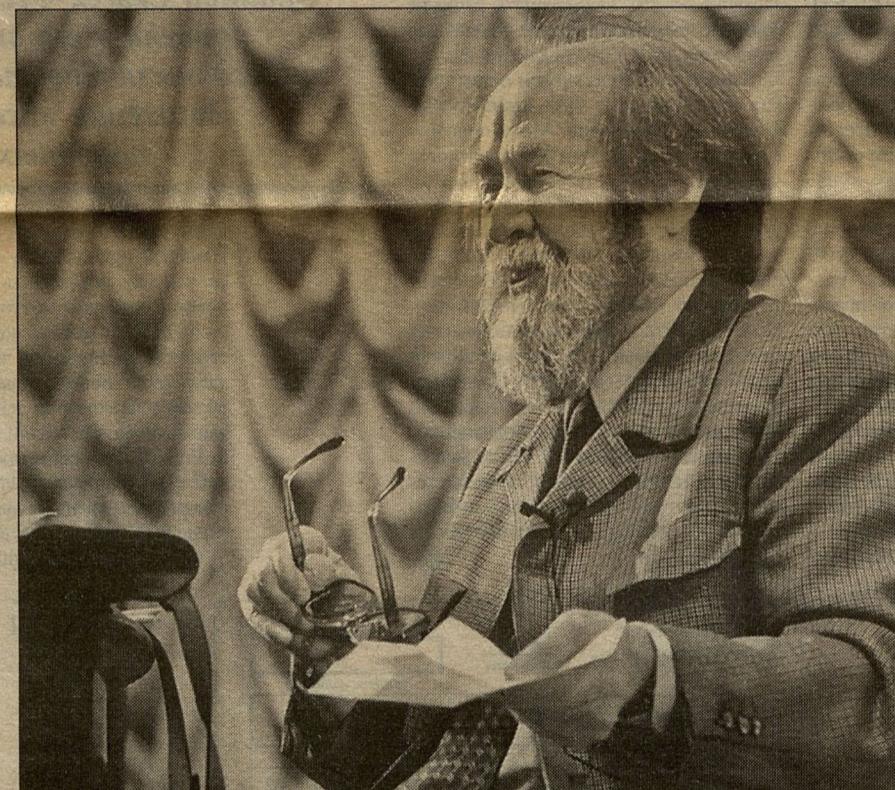
— Это тот, кто не поступается нравственными принципами и сохраняет прямое хождение. Свое поведение каждый определяет сам, включая интеллигенцию. Ее с колен не поднять, она должна сама подняться.

КАКОЕ БУДУЩЕЕ ЖДЕТ РОССИЮ

— Вопрос необъятный. Нам на этом вечере на него не ответить. Я всю жизнь был оптимистом, через что бы ни проходил, всегда верил только в хорошее. А вот в последнее время нахожусь перед весями истории, на которых судьба нашей родины чуть покачивается. Или даже не чуть. Будущее, конечно, сильно зависит от воли правителей, но и от всего народа. От каждого человека, от маленького участка жизни, где он может что-то сделать. Все это суммируется, интегрируется, но чем завершится, боюсь сказать. Не хочу быть обнадежившим пророком и не хочу быть мрачным. Но веру в человека я не утратил, она и придает надежду.

Записала
Ольга МАРТИНЕНКО

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

Alexander Solzhenitsyn